

АННА ДАНТ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

A detailed illustration of a woman with long, wavy brown hair and blue eyes, wearing a dark brown dress with a white long-sleeved blouse underneath. She is holding a large wicker basket filled with various wildflowers, including purple and yellow ones. She stands on a dirt path in a lush, green forest. In the background, a small, rustic wooden house with a chimney is visible, surrounded by trees and foliage. The scene is bathed in soft, golden light, suggesting a sunrise or sunset.

ЦЕЛИТЕЛЬНИЦА
ПЕЧАТЬ ЗАБВЕНИЯ

Анна Дант

Целительница Печать забвения

«Автор»

2026

Анна Дант

Целительница Печать забвения / Анна Дант — «Автор», 2026

Я попала в тело беглой послушницы проклятого культа, и теперь моё убежище — глухая деревня и дом старой травницы, где я вынуждена скрывать правду о себе, чтобы выжить, ведь для культа я враг, а для королевства — опасная преступница. Но спокойная жизнь закончилась в тот день, когда старая травница упала замертво, и я осталась одна. Мне пришлось бежать снова, через лес, с охотником, который поклялся меня защищать. В город, где нас никто не знает. Я думала, что всё позади. Но в мой дом приносят раненого королевского дознавателя, а в город входят жрицы проклятого культа, ведомые зовом опасного артефакта. Артефакта, спрятанного в моём сундуке.

© Анна Дант, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1 - Последняя смена	9
Глава 2 - Вторая попытка	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Анна Дант

Целительница Печать забвения

Пролог

Милена бежала по узкому, вырубленному в скале коридору. Каждый шаг отдавался в висках глухой болью, но девушка старалась не обращать на неё внимания. За спиной раздавались крики. О, как же это плохо! Милена оглянулась и с ужасом заметила вдалеке огни факелов.

Сёстры-наставницы подняли тревогу быстрее, чем она надеялась.

Главное – не останавливаться! Под рёбрами болело. Дыхание стало тяжелым, хриплым. Сердце стучало где-то в горле, а лоб взмок от пота.

Не останавливаться и не смотреть назад...

Девушка зажала в кулаке кожаный мешочек. То, что в нём лежало, и есть причина побега. Печать Забвения...

Артефакт, который жрицы прятали в алтаре, под тремя замками и ментальным пологом. Артефакт, превращающий послушниц в послушных, пустых кукол.

Милена не знала, как ей удалось забрать кулон.

Может быть, потому что её считали пустым местом, бракованной? Младшая послушница, у которой ни дара, ни наследия. Слишком ничтожна, чтобы обучать. Слишком глупа, чтобы доверять что-то действительно стоящее.

И эта ничтожность стала спасением Милены. Выполняя грязную работу, словно служанка в господском доме, девушка смогла подобраться к алтарю. Жаль, что жрицы заметили пропажу так рано...

Милена свернула в боковой проход и пригнулась, чтобы не удариться головой о низкий свод.

Здесь пахло сыростью и плесенью. Старая часть храма, которую давно забросили.

Стены покрывали выцветшие фрески, на полу ровные ряды деревянных дощечек. Послушницы обязаны слушать службу на коленях, склонив голову и закрыв ладонями лицо. И ни в коем случае не смотреть на главного жреца, иначе...

Жрицы умели наказывать. И делали это с садистским удовольствием.

За престолом главная фреска с изображением жриц, облаченных в черные балахоны, и алтарь с жертвой, залитый кровью.

Вздвигнув, Милена поспешно опустила взгляд, лишь бы не видеть этого ужаса. Она и так довольно много узнала из дневника Лины.

Единственная подруга погибла, будучи схваченной службой безопасности королевства. Об этом судачили сестры-наставницы, сетуя, что король слишком рьяно взялся за уничтожение культа полуденных жриц.

От Лины остался лишь дневник...

Её сломали, превратили в послушную куклу, а потом отправили на задание, откуда она уже не вернулась.

Сейчас тонкая тетрадь, исписанная аккуратным, мелким почерком, была надёжно привязана верёвкой к бедру. Как и несколько свитков с описанием древнейших ритуалов, которые удалось выкрасть пару дней назад.

Милена нашла дневник неделю назад, когда узнала, что Лина больше не вернётся. В крошечной каморке на две кровати сложно что-то утаить, но Лине удалось спрятать дневник так, чтобы никто не нашёл. Девушке просто повезло увидеть, как подруга что-то прячет под половицей у самой стены.

Дневник Милена читала по ночам, зажав рот рукой, чтобы не закричать. Страница за страницей.

Как стирают личность, как учат убивать, как заставляют ненавидеть себя. Последняя запись обрывалась на полуслове.

“Я больше не помню своего имени. Кажется, меня звали...”

И всё. Пустота.

Словно Лина исчезла, даже не успев дописать. От лучшей подруги осталась лишь тень.

Милена поклялась себе, что не даст им сделать с собой то же самое. Лучше смерть.

– Стой! – рявкнули позади. Звук отразился от каменных стен. На миг Милене показалось, что стражницы нагнали её и вот-вот схватят за плечо.

Пробежав через небольшую дверь за престолом, она выскочила в просторный зал.

И на миг испуганно замерла, увидев, куда попала. Тот самый ритуальный зал, где проводили обряды очищения. И где приносили в жертву Полуденной.

Каменный алтарь с цепями, прочно прибитыми по краям. Потемневший желоб, ведущий к каменной чаше. И пятна... Тёмные пятна, въевшиеся в светлый камень.

– Стой, дрянь! – рявкнули сзади. Милена вздрогнула, отводя взгляд от алтаря и бросилась к стене напротив, за гобелен. Лина не обманула, там действительно оказалась дверь, ведущая к подземному ходу.

Милена застыла, с ужасом осматривая дверь. Ручка отсутствовала, а девушка понятия не имела, как её открыть.

– Нет-нет-нет... – испуганно шепча, Милена шарила руками по резьбе, пытаясь найти что-то, что откроет эту демонову дверь.

Топот уже слишком близко. Слишком... Овернувшись, Милена с ужасом увидела, как в зал вбегают жрицы в чёрных рясах. Лица женщин были скрыты глубоким капюшоном. Но когда живёшь бок о бок много лет, начинаешь различать сестрёр по походке. Мила знала, кто пришел за ней. Ренара и Мелли – такие же послушницы, как и сама Милена. И привратница Арэнта. Та, что проводит ритуалы очищения. В её руке, практически полностью спрятанной балахоном, сверкнул ритуальный нож.

– Верни артефакт, Милена, – голос Арэнты был вкрадчивым, почти ласковым. – Мы не причиним тебе вреда. Ты просто заблудилась и испугалась, верно? Верни, и всё забудется.

Всё забудется...

Милена задрожала от ужаса. Она знала, что означают слова привратницы.

Сотрут память, сломают волю.

Сделают послушной и “мёртвой”. Какой сделали в своё время Лину.

– Нет! – звонко выкрикнула Милена, но голос сорвался. – Не подходите!

Девушка прижалась спиной к стене, чувствуя, как холод камня пробирает до костей сквозь тонкое платье послушницы.

Жрицы приближались медленно и уверенно. Как хищницы, которые уже поймали добычу, но решили немного поиграть. Жертва уже загнана в угол. Уже не убежит.

– Отдай артефакт, Милена, - насмешливо обратилась к ней привратница, протягивая руку. – Отдай, ну же!

Мила сжала мешочек и даже почти протянула его привратнице. Но в последний момент, сама не ожидая от себя, достала артефакт и надела на себя.

Артефакт сначала обжег холодом. А после стал нагреваться.

Спустя несколько секунд Милена вскрикнула и схватилась ладонью за артефакт, острым краем пропоров тонкую кожу.

– Идиотка, - прошипела Арэнта, но подойти не осмелилась. – Отдай! Привратница так и замерла с протянутой рукой. Словно боялась, что Милена что-то выкинет. Сможет как-то навредить артефакту или самой Арэнте. Словно артефакт как-то можно превратить в оружие. Но Милена не знала о каких-то особых возможностях печати, кроме тех, что были вычитаны из дневника. Её испуганное сознание осмыслило лишь то, что пока артефакт на ней, жрицы не подойдут. Или пока они не поймут, что девушка не представляет, что делать с печатью забвения.

Отняв обожженную, раненую руку от артефакта, девушка принялась шарить ею по двери, не поворачиваясь спиной к жрицам. Ну же! Эта демонова дверь как-то должна открываться!

– Да ты ничего не знаешь, - рассмеялась привратница и приказала послушницам. – Взять её!

В этот же миг рука Милены коснулась нужного узора.

Дверь сзади девушки распахнулась, а Милена рухнула в чёрный проём, не удержавшись на ногах и цепляя локтём какой-то рычаг. Девушка упала на спину, больно ударившись затылком о каменный пол, и с удивлением обнаружила, что дверь закрыта. А сама она лежит в тускло освещенном факелами каменном проходе.

Поднявшись на ноги, Милена со стоном оперлась на стену и поплелась вперёд. Нельзя ждать ни минуты. Удивительно, что дверь ещё не открылась, впуская жриц. Голова кружилась. На шею что-то капнуло. Милена провела рукой и с растерянностью посмотрела на окровавленные пальцы. Видимо, ударилась головой действительно сильно. Но боли девушка не чувствовала. Она упорно шла вперёд, отчаянно заставляя себя шевелиться быстрее. Сколько она так шла – неизвестно.

Может десять минут, а может и час. Время текло слишком медленно, чтобы понять.

Увидев в конце каменного туннеля свет, Милена радостно вскрикнула.

Почувствовав свежий воздух, девушка едва не расплакалась. Но стоило выйти из туннеля, как она в ужасе замерла. Человеческие скелеты, ещё не разложившиеся тела, обрывки одежды... Погост храма полуденных жриц, скрытый от чужих взоров.

А довольно большое болото с радостью скроет все тайны, даже если здесь появится кто-то чужой.

Милена шумно задышала, пытаясь успокоиться. Им уже не помочь, а вот самой спастись хочется. Или хотя бы унести отсюда проклятый артефакт. Можно было бы утопить в болоте, но мало ли жрицы найдут? Оторвав от подола довольно большой кусок платья, девушка кинула его на середину болота. Сняв с шеи артефакт, девушка разорвала тонкую цепочку и бросила её туда же. Может, удастся отвлечь жриц? Может, они подумают, что девчонка утонула вместе

с артефактом? Пока её будут искать, Милена сможет скрыться. Скрыться по самой кромке болота, аккуратно ступая на влажный мох. По краю неприметной тропинки, ведущей в лес.

Тяжелый воздух не давал нормально дышать. Вокруг пахло гнилью. Но Милена брела вперёд, надеясь выйти к людям.

Девушка шла до самого заката. А после всю ночь, едва разбирая дорогу в тусклом свете луны. Шла и надеялась, что каждый её шаг - шанс на спасение.

На рассвете девушка вышла в поле. Сил уже не осталось, но там, вдалеке, виднелись дома. Судорожно всхлипывая, Милена брела по полю, постоянно оглядываясь по сторонам. Нет ли погони... Нет ли опасности... Выйдя на дорогу, девушка облегчённо рассмеялась, увидев впереди указатель. Кривой, потемневший от времени и дождей, деревянный указатель с наспех вырезанными буквами.

Глухой Лог.

Всхлипнув, Милена шагнула к нему, но, поскользнувшись на влажной траве, рухнула на спину, ударяясь виском об острый камень. В угасающем разуме мелькнула мысль, что это и есть последние минуты жизни.

Отныне Милена, послушница культа Полуденных жриц, мертва.

Глава 1 - Последняя смена

Слив грязную воду, устало облокотилась на стену.

На секундочку всего... Затем вновь набрав воды, отправляюсь мыть палату.

Не смена, а кошмар какой-то... В хирургическом, конечно, и так непросто, но сегодня совсем ужас.

А всё из-за одной бабушки, которая принесла внуку просрочку. А внук, добрая шестилетняя душа, радостно поделился гостинцами с остальными ребятами в палате. Как итог – отравление.

Целая палата мальчишек от шести до пятнадцати лет лежат бледно-зелёные и периодически склоняются над ведрами. И очень часто неудачно. А бабушка... Ну что бабушка? Охает и озабоченно качает головой, даже не понимая, что не так. Вот и сейчас стоит посреди коридора, платочек в пальцах мнёт и смотрит на заведующим отделением взглядом кота из знаменитого мультика.

– Ну что вы такое говорите, Александр Валентинович! - с неподдельной обидой в голосе.

– Да не из-за йогуртов это! От одного раза ничегошеньки не будет! Зато скидочка!

– Ирина Павловна, это грубое нарушение, вы понимаете? - устало вздыхая, выговаривает врач. – По хорошему, я обязан вообще запретить вам посещения.

– Как запретить? - растерянno и тихо шепчет старушка, промакивая глаза платочком. – Ванька мой один же совсем там! Папка, сыночек мой, умер, а маманька егошняя... Некогда ей мальчиком заниматься! Всё по командировкам! Орёт, что деньги зарабатывает, а я вам так скажу! По мужикам она ездит! Что это за командировки такие, а? А я не могу лечь, Александр Валентинович, миленький! Не могу совсем! Кто за хозяйством смотреть будет? У меня же Машка отелилась на днях, ну как оставить?

– Идите уже, - раздраженно отмахивается Александр Валентинович. – На входе список висит, что можно проносить, а что нет. И если ещё раз я увижу, что пронесли запрещенное... Ирина Павловна, не обижайтесь, но скажу охране проверять гостинцы.

– Хороший вы человек, Александр Валентинович! - тут же заулыбалась бабуля. – А хотите, я и вам следующий раз принесу по акции? А?

Я ойкнула и поспешила слинять. Потому что вот сейчас наш зав смотрит на старушку мотом. Только смотрит, материть и орать не будет. А вот нам, персоналу, может попасть. И лучше не стоять без дела, а то и вовсе поскорее убратсья из его поля зрения. На орехи наш любимый Александр Валентинович раздаёт знатно!

Вообще, наш зав крутой! Я мечтаю проходить интернатуру именно у него, поэтому и устроилась сюда санитаркой. Лишь бы поближе к Красину.

Седовласый, высокий мужчина с добрыми глазами и мягкой улыбкой. Многолетняя практика за плечами с множеством сложнейших случаев.

А уж как его обожают дети! Для подростков – непререкаемый авторитет, а для малышей добрый друг и любимый дядя. Даже крошки плакать перестают, когда зав с ними разговаривать начинает. В общем... Так я и оказалась здесь, в детской областной. И уже тружусь два года на должности санитарки. Конечно, денег тут не заработаешь, да и с учебой совмещать сложно. Но ради опыта я готова потерпеть. На питание и простенькую одежду хватает, а остальное... Успеется. Ещё вся жизнь впереди.

Зайдя в палату, расстроено покачала головой. Ну вот... опять парочка промахнулась мимо ведра. – Простите, - простонал мальчонка лет двенадцати, пытаюсь незаметно оттереть простынь.

– Ох, и что же с тобой делать, - вздохнула, разглядывая ногу на вытяжке и гадая, как же мне бельё поменять. Малодушно подумалось просто оттереть простынь, но я тут же отогнала от себя эту мысль. Не дело это. В нашем деле главное человечность.

Видела я таких...

Выгоревших, да и просто жестоких. Для них человек это просто тело. Да, пока живое. Но обезличенное, что ли. Нельзя, ни в коем случае нельзя терять человечность.

– Ну что же, сейчас подумаем, как поступить, - улыбнувшись мальчонке, со смешком фыркнула. – Ты же как Терминатор сейчас, а Терминатору не положено краснеть и смущаться!

Мальчишка захихикал, расслабляясь. А я посмотрела на часы и тяжело вздохнула. Пять вечера. Работать мне до десяти.

Я даже пообедать не успела сегодня, с универа сразу на смену.

Спустя два часа я всё же смогла передохнуть. Достав простенькую булку и налив чаю, со стоном села на диван и, вытянув ноги, скинула обувь.

Какое блаженство! Какая бы обувь ни была удобная, ходить целый день всё равно сложно. Так что сейчас я пользовалась моментом, шевеля пальчиками, разминаясь. Дверь в сестринскую распахнулась, пропуская Пашку.

– Ай-яй, Анна Павловна! Нарушаем? - прищурившись, с хитрой улыбочкой, коварно произнёс Пашка. Да-да, в сестринской кушать нельзя. Для этого есть специально отведённое место. Но электрочайник и баночки с кофе и чаем стоят тут, а на запреты уже давно забили. – Пощади! - шуточно взмолилась я, протягивая ему вторую булочку. – Держите взятку, Павел Георгиевич.

– А взятки, между прочим, подсудное дело! - фыркнул парень, но булочку взял и тут же вгрызся в белый, ароматный мякиш.

Пашку я знаю ещё с сопливого детства. Как и водится в небольших городках, мы посещали один садик, после учились в одной школе. Дружили ли мы с детства? О, нет! Дружить мы стали уже в старших классах, а до этого то дрались, то обзывались, встречаясь на детской площадке и в общих компаниях. Суворовский старше меня на два года и через несколько месяцев заканчивает интернатуру. Он-то и помог устроиться сюда, когда я, пища от восторга, рассказала о своей мечте – учиться у Красина. – Ань, а пойдём в клуб? - подмигнув, предложил Пашка. – Мы тут в субботу собираемся однокурсниками. Там и Валька с твоей группы будет.

– Ты меня отговариваешь? - скривилась я. – Ты же знаешь, что мы не ладим. Не ладим...

Это наша главная фифа группы не ладит со мной. Выбрала меня целью и... Ай! Буллинг - не новая история, что уж тут. Главная модница потока и серая мышка-сирота.

– Да брось! Это она наверное в универе такая, а вот с Витькой рта раскрыть боится! Замуж хочет очень.

– Ага, - хихикнула, вспоминая родословную Витьки. – Денег она хочет, Паш. У Вити отец в министерстве сидит, а у матери клиника своя.

– Да какая разница, - Пашка отмахнулся и подул на горячий чай. – Главное, что в его присутствии Валя ангел. Так что, пойдёшь? Я угощаю!

– Не знаю, - вздохнула, честно задумавшись.

У меня в субботу смена до пяти. Да и выспаться хотела... И идти мне не в чем.

Но Пашка так смотрит жалобно.

– Ладно! - фыркнула я и рассмеялась. – Чёрт языкастый, уболтаешь любого!

Я только успела пустую кружку на стол поставить, как дверь распахнулась, пропуская Олю.

– Ань, там в пятой опять... беда, - многозначительно шевельнула бровями старшая.

– Иду, - улыбнувшись, я тут же надела шлёпки и накинула форму. Ну что же, передохнуть успела.

Спустя три часа я быстро приняла душ, пользуясь отсутствием очередей и присутствием нормальной горячей воды. В общаге с горячей водой проблема. Она вроде как есть, но редко.

В основном течет вода не горячее парного молока. Так что душ я по возможности принимаю на работе, а голову мою в общежитии. Это уж и под краном можно, да и вода прохладная не смущает. И вот спустя ещё час я наконец вышла на улицу, вдохнув осенний воздух, вкусно пахнущий дождём, мокрым асфальтом и опавшей листвой. Никуда не торопясь, побрела по улице, свернув на центральную. Витрины бутиков призывно светились, заманивая. Стройные силуэты манекенов рекламировали шикарные платья на любой вкус и цвет. Но не на кошелёк, увы.

Поймав своё отражение, невесело усмехнулась. Да, Анна Павловна, тебя в такой бутик и не пустят. Старенькое, потёртое пальто выдавало положение хозяйки с головой. Но это ведь временно, правда? Осталось доучиться и... А там может и парень появится. Ребёночка родим, может и двух. Квартиру в ипотеку возьмём. Может получится бабулю перевезти в город, к нам поближе. Ведь не молода уже, одной в деревне сложно. Так, мечтая, спустилась в метро. Пять станций, и я недалеко от дома. А там останется пройти пару остановок до общаги.

Метро уже практически пустое в это время. Так что, встав у колонны, достала телефон и залезла в сеть.

В болталках как всегда весело. Народ ржет и обсуждает прошедший день. Лента пестрит смеющимися смайликами и разномастными стикерами. Улыбаясь, пролистала чат, но написать так и не успела. Телефон внезапно ожил в руках, выдав на дисплее номер тётъ Марины, бабушкиной соседки. Сердце тревожно забилося. В такое время не звонят просто так... Дрожащими пальцами кое-как провела по экрану, отвечая на звонок.

– Ань! Аня! Слышишь меня? Ань! - громко прокричала глуховатая соседка, едва я поднесла телефон к уху.

– Здравствуйте, слышу, - откликнулась также громко, делая несколько неосознанных шагов вперёд.

– Ань, беда! Беда с бабушкой твоей, слышишь? С сердцем плохо стало днём. Ань, слышно меня?

– Слышно, тётъ Марин! Говорите уже! - повысила голос и преодолевая трусливое желание бросить трубку, чтобы не слышать плохие новости.

– Бабушка твоя... Померла Баба Лена, Ань. Врачи сказали – приступ. Не успели, ока-янные! Да ты же понимаешь, дожди, дорогу размыло. Скорая проехать не могла. Пришлось Ваську из десятого дома звать. Ну ты помнишь, дядь Васю, тракториста? А он, падла такая, пьян в стельку! Лёшка Мельник ключи у Васьки забрал, да сам за руль сел...

– Как, умерла, - растерянно прошептала, оглядываясь. Но перед глазами пелена. Всё мутно и серо. Сердце сковывает так, что не передохнуть.

– Чего говоришь? Ань! Не слышно тебя! Говори громче, ну! - голос соседки начал заикаться, связь пропадает.

– Что с бабушкой? - крикнула в надежде, что... А что, Ань? Ну что? Ты же почти врач, ты же всё понимаешь... Нельзя умереть наполовину.

Но я сжала трубку, молясь Богу, чтобы это была какая-то ошибка.

– Тётъ Марин! Не слышу, повторите! - крикнула, чувствуя, как потекли слёзы.

Но вместо тётъ Марины в трубке, слышу злой старческий голос позади себя:

– Да заткнись ты! Разоралась тут, идиотка!

И сильный толчок в спину. Неуклюже взмахнув руками, делаю шаг вперёд, чтобы поймать равновесие. И ещё один... Но нога не чувствует опоры. Не успевая вскрикнуть, лечу на рельсы, с ужасом глядя на огни приближающегося состава.

Я уже не слышу громкого сигнала поезда и скрипа экстренного тормоза. И не вижу, как на платформе собираются редкие пассажиры, с ужасом глядя на то, что осталось от тела молодой девчонки.

Как мамы, закрывая глаза детям ладошкой, не могут оторвать взгляда от шокирующей картины.

Как бабка, спрятав палку за спину, растерянно бормочет, что сама девка упала, ногу подвернула.

– Ну вы же видели! Сама она! Сама! А сама пятится назад, в ужасе глядя на спешно приближающихся дежурных метро. Ничего уже не вижу. И не узнаю. Не узнаю, что с бабушкой нас хоронили в один день, рядышком. Тётъ Марина со слезами протрёт наши фотографии и сокрушенно опустит голову:

– Как так... В один день, надо же. Это я, дура старая, позвонила! Ну неужели не могла попозже, а? А после глянет на двойной памятник моих родителей.

– Вся семья тут. Как прокляли, - глухо отзовется дядь Вася, опираясь на лопату и закуривая.

– Ну! Ну! Сигарету убери! - рычит тётъ Марина, выдёргивая сигарету и бросая под ноги. – Нашел где курить! Ещё и нализался с утра пораньше!

– А я чо? - бурчит, обдавая окружающих стойким перегаром, местный тракторист. – Положено так! Папироску положить на могилку, да стопочку водки с черным хлебушком.

– Ай, пьяный склеротик! Да Митрофановы в жизни не пили и не курили! Тебе лишь бы стопочку!

Возле гроба бледный Пашка будет стоять с огромным букетом. Не в силах сделать вдох и не в состоянии оторвать взгляд от хрупкой фигуры, облаченной в свадебное платье. И кто придумал такое дурацкое поверье, что девушек незамужних в свадебном платье хоронить надо? Спрятав красные глаза за хамелеонами, он будет ругать себя. Не успел сказать смешливой, но такой любимой Аньке, что жить без неё не может.

И платье это дурацкое... Как насмешка. Платье-то красивое. И Анька красивая. А вот ситуация в целом - нет. – Эй, парень, чей будешь? - толкнув локтём Пашку, шепнула старуха. – Жених, что ли?

– Жених, - прохрипел Пашка еле слышно.

– Поминки будут в деревне соседней. Кафешку там открыли. Хорошая, говорят. Кормят вкусно. Ты тоже приходи, бесплатно же!

Переведя взгляд на старуху, Пашка едва сдержал гримасу отвращения. И промолчал. Он просто не знал, что ответить на такое.

– Ну че, придёшь? Ежели не придёшь, так скажи. Я деду своему твой паёк заберу.

– Забирайте, - процедил Пашка сквозь зубы. Сделав шаг вперёд, положил букет. Сжав ледяную, безжизненную руку на секунду, Пашка шепнул:

– Прости, Анютка.

И, развернувшись, зашагал прочь. Понимая, что больше просто не выдержит. И в машине будет долго смотреть на трассу совершенно не стесняясь всхлипов и не сдерживая слёз.

Глава 2 - Вторая попытка

– Это что это? Эй, девка! Ты чья будешь, а? Ай, не померла бы. Ничего, у Веданы мало кто помирает, а уж такие молодые и подавно.

Я чувствовала, как меня поднимают и куда-то волокут. Но ни открыть глаза, ни сказать что-то я не могла.

Да что уж там! Даже думать не могла. Голову разрывало от боли. Мелькали картинки, сводя меня с ума, запутывая ещё больше. Вот я на коленях стою и шепчу молитву. А через секунду бегу по коридору в белом халате, прижав к груди учебники. Меня маленькую приводят в жуткий замок. Этот замок пугает, но броситься со слезами к сопровождающим не могу. Мачехе плевать... И мне приходится идти вперёд, к странной женщине в чёрном балахоне. Она протягивает руку и дружелюбно улыбается, но в глазах такой леденящий холод, что хочется бежать.

Но в следующую секунду картинка меняется. Я уже не у входа в страшный замок, а у старого, заброшенного детского сада. Это всё Пашка, сволочь, заманил и сбежал. И посреди тёмного коридора заброшенного садика мне тоже страшно. Но в тоже время я прекрасно знаю, что выберусь отсюда, возьму папин ремень и буду гонять Пашку по всему двору.

– Ай, как нехорошо. Ничего-ничего, сейчас вясму приложу. Она быстро кровь остановит. Как же тебя угораздило-то, - скрипучий голос не давал провалиться в небытие. – А ну-ка, понюхай багульника.

В нос ударил резкий, тошнотворный запах. Распахнув глаза, я попыталась дернуть головой, но получилось лишь слабо шевельнуться.

– Ага, в себя пришла, значит, не помрёшь, - обрадованно пробормотала старуха, склоняясь надо мной. – Говорить можешь?

– Где я? - шепнула, едва шевеля губами.

– Дома у меня, где же ещё, - хохотнула старуха. - Ты потерпи немного, сейчас я рану на руке зашью. Ишь, как распорола!

Старуха ушла, а я попыталась осознать, что со мной происходит и где очутилась.

Повернув голову в сторону, я увидела свою спасительницу. Обычная старушка, лет семидесяти. Невысокая, полноватая. Седые волосы аккуратно заплетены в косу. Она что-то искала в небольшом мешочке, подслеповато шурясь. А когда нашла...

– Нет! - шепнула, со страхом глядя на иглу в руках женщины. Я ещё не осознавала, почему мне так страшно. Но знала точно, шить меня вот этим не надо!

– Ты чего? Иголок боишься? - удивленно спросила старуха, глядя то на меня, то на иглу. – Сейчас самогоном обдам. Да и тебе налью, хочешь? Боль притупится. У меня, конечно, и дурман есть. Но не думаю, что тебе стоит его давать.

– Не надо шить! - взмолилась я, а воображение принялось подкидывать страшные картинки с операционным столом и различными ранами.

“Заражение крови заполучить хотели? Сразу надо было в больницу идти, а не выдёргивать гвоздь и подорожником лечить!” - слышится в голове знакомый голос. А перед глазами картинка, как врач отчитывает нерадивых родителей. Это не воображение. Это воспоминание...

– Нет! - на этот раз твёрдо рявкнула я, из последних сил садясь на своем странном ложе. Узком, твёрдом и... Боже, это лавка что ли? Где я вообще?

Но осмотреться пока не могла. Кажется, старуху не впечатлили мои слова. Иглу убирать не собирается. Наоборот, спокойно наливает мутную жидкость в чашку, туда бросает иглу и нитки.

Замерла, пытаюсь понять, где болит. А болит всё... Словно меня били, и довольно сильно. Старуха что-то говорила про руку, да? Посмотрев на ладони, увидела довольно глубокий порез. Глубокий, да. И лучше бы зашить. Но шить тем, что достала старуха, я не решусь.

– Очухалась? - спросила она, обратив на меня внимание. – Имя-то своё помнишь?

– Аня, - хрипло отозвалась, осматриваясь.

– А я Ведана, травница местная, теперь знакомы будем. Тебя как занесло-то сюда? В гости приехала к кому? Или... Платье мне твоё напоминает что-то...

– Куда это сюда? - тихо уточнила, чувствуя, как накатывают воспоминания. Картинки одна за одной складывались, как пазлы, в историю моей жизни. Вспомнила и метро... Но что я тогда делаю в бревенчатом доме с большой печкой, словно попала в позапрошлый век? Я ведь должна была погибнуть. Состав не успел бы затормозить, никак. Или я всё же умерла??

– Так в Глухом Логе ты, - с удовольствием пояснила женщина. – Где же я такие наряды видела, а? Словно из храма какого сбежала.

– Из храма, - шепнула, растерянно кивнув.

На воспоминания мои наложились ещё и чужие. Некой Милены, беглой послушницы. Чужие, но словно мои собственные.

– Ведана, а у вас зеркало есть? - спросила, чувствуя, как меня бьёт озноб.

– Зеркало! Да откуда такая драгоценность в наших краях? - рассмеялась травница. – Но осколочек есть. Небольшой, правда. Сейчас дам. Осторожно только, не урони. Дорог он мне, как память.

Ведана приподняла крышку сундука и достала холщовый мешочек. И из него завернутый в мягкую тряпицу осколок размером с карманное зеркальце.

– На, держи, - пихнула мне в руки и отступила, с любопытством наблюдая за моей реакцией.

С непонятным чувством надежды и ужаса поднесла зеркальце к лицу и ахнула, увидев отражение. Это не я... Точно не я. Эта та самая Милена, послушница. В храме несколько зеркал было.

– Так что, откуда ты такая? Из какого храма? - продолжила допытываться женщина.

– Полуденных жриц, - прошептала растерянно, откладывая зеркальце в сторону, взяв тряпочку которой был обмотан осколок, нырнула рукой в вырез платья.

Там, между платьем и рубашкой, лежит то, ради чего настоящая Милена пожертвовала жизнью.

Достав артефакт, я со страхом посмотрела на травницу. Она обессиленно опустилась на скамью, облокотилась на стол и с ужасом уставилась на артефакт.

– Вы меня им отдадите, да? - шепнула, прикусив губу, чтобы не расплакаться.

– Сбежала, значит, - качнула головой травница. – И вещь их прихватила. Искать тебя будут. Жрицы своих не отпускают.

– Мне некуда больше идти, - всхлипнула, пряча печать обратно.

– А ты уже пришла, - немного подумав, решительно заявила Ведана. – Внучкой моей будешь. В Глухом Логе все знают, что дочка у меня есть. То, что погибла она в стенах того храма – не ведают никто. А я знаю... Вещь эту мы спрячем, только ты не говори больше никому о её существовании. Либо жрицам донесут, либо стражам королевским. Всё одно - смерть тебя ждёт.

Я хотела поблагодарить. Но в дверь громко постучали. Испуганно вскрикнув, я сжалась на скамье, неосознанно желая стать меньше, исчезнуть.

– Не открывайте! - взмолилась я, глядя на травницу расширенными от ужаса глазами.

– Ко мне иди, - Ведана хмуро мотнула головой за печку. – И там посиди пока. Иди.

С трудом поднявшись на ноги, зашла за печь и обнаружила там практически спальню. С узкой кроватью, заправленной цветастым покрывалом, парочкой сундуков и стулом.

Забившись в угол, я зажмурилась, словно это как-то поможет.

Я затаила дыхание, внутренне холодея, когда слышался приглушенный женский голос. Разве сложно найти девчонку, если пройти по её следам до небольшой деревни? А меня явно ищут. Нет, конечно не меня, Аню. Ищут сбежавшую послушницу, которая так нагло спёрла очень важную вещь. Думай, Аня... Думай, что делать.

Вспомнив технику дыхания, принялась глубоко дышать. По квадрату, как учили, чтобы снять паническую атаку. В голове зашумело от гипervентиляции лёгких. Но ничего, зато мозг хоть немного прояснился. Например, жрицы не разговаривали бы со старухой так долго. О нет... Они бы уже обыскивали дом. А что говорила Ведана? Ведана - травница. Значит, пришли к ней по делу. Но мне всё равно пока выходить нельзя. Уж точно не в платье послушницы.

Когда паника отступила, я прикрыла глаза, стараясь как-то разложить по полочкам всё, что подкидывала память Милены. Думать о том, что я сошла с ума, а всё вокруг - плод больного воображения, было бы неправильно. Выжить я никак не могла, а значит всё происходящее реально. Реально, как бы не сопротивлялся мозг... И той жизни больше не будет. Будет иная... В этом странном доме, словно из позапрошлого столетия. В этом странном мире, где происходят неподдающиеся логике вещи.

– Ну? Чё зажмурилась? Выходи давай, да помоги мне, - раздался голос травницы. Распахнув глаза, не смогла сдержать улыбку.

– Это не жрицы, да? - тихо спросила, чтобы точно удостовериться.

– Да какие жрицы, - отмахнулась женщина. – Ульянка заходила. Опять младший заступился. Так, ну-ка, погодь.

Ведана прошла к сундуку и, кряхтя, откинула крышку. В нём аккуратно сложена одежда. Выложив на кровать кое-что, травница захлопнула сундук и, выпрямившись, глянула на меня.

– Великовата будет, но ничего, подошьём. Эх худая какая... Не жрёте вы, что ли. Иль в храме том голодом морят?

– Не могут, - качнула головой, припоминая. – Но и до отвала не кормят. А работы много.

– Ну, до отвала и я не накормлю. А работы может не меньше будет, - хохотнула старушка и с хитринкой глянула на меня. – Помогать-то будешь, внучка?

– Буду, вы скажите только, что делать, - с готовностью кивнула. – Только почему вы так уверены, что не придут жрецы сюда?

Ведана вздохнула, глянула на меня, словно решаясь, пожевала губу и наконец заговорила:

– Я и не ведаю, что тебя принесло именно сюда. Да только шла ты, милочка, через лес и бурелом. Как тебя медведь не задрал – одному Единому известно. А может он и уберёт, как знать. Да только в Чёрный лес даже я стараюсь не ходить. Болота да зверьё... Вон, волки к нам выходили зимой этой. Значит-ца, живет там стая.

– Мапочки, - прошептала испуганно, понимая, что запахом крови могла привлечь опасных хищников.

– Вот и я про что? Не пустятся за тобой в погоню жрицы, да ещё и по лесу такому. В обход пойдут. А в обход опасно. Ловят сейчас жриц. Что-то король рассерчал на них сильно.

Так что пока они все деревни-то проверят, да сюда доберутся... Да и не думаю, что вообще придут. Не прошла бы ты там. Никак не прошла. Сам Единый за руку тебя вёл.

– Ведана, но... Вы ведь знаете, что поблизости жрецы, почему не скажете страже? - задала я главный вопрос.

– А где ты здесь стражу видишь? - с удивлением спросила травница. – А может под кроватью моей сидят, а? Или на сеновале отсыпаются? В Глухой Лог даже сборщики раз в несколько лет приезжают, а город ближайший со стражей в трехста верстах отсюда. И то, стража там такая... Вон, Гаврила ездил в прошлом месяце. Остановился у постоянного двора, пока расплачивался за ночлег - утащили три мешка с зерном. И что? Стража та даже слушать не стала. Хотя скажу тебе по секрету... Думаю, Гаврила тот не на несколько минуток отвлёкся, а пил там, в той таверне. От того и не заметил, что зерно утащили. Но какая уж разница. Страже это не надо. Там тоже, знаешь ли, до короля далеко. Король в столице сидит, а мы здесь... Ай, пусть сами они там с культом проклятым... Ну-ка, помоги воду в бочку налить. Да сейчас пойдем ещё принесём. Помыться бы тебе надо.

– А, да, конечно, - растерянно кивнула от смены темы и подхватила ведро, помогая перелить в железную бочку, стоящую на плите печи. – А вам никогда отомстить за дочь не хотелось?

– Мстить, - горько усмехнулась травница. – Молодая ты, глупая. Ренарка сама ушла. Сказала, её учить там будут и замуж отдадут за лорда богатого. Пообещали, значит... Сказала, мать дура старая, не понимает ничего. Хочет запереть в деревне глухой на всю жизнь, да за увальня деревенского замуж выдать. Не хочет она всю жизнь травы перебирать и носы сопливые детворе лечить. Ушла, сама... А потом я в город поехала. Через год или два. А там у сестры узнала, что была в городе Ренатка. Я уже обрадовалась, думала, а может и правда научили да замуж отдали. А оказалось... Шлюхой дочь моя стала. Сначала с одним лордом, потом с другим. А лорды те помирать начали один за другим. Тут-то я и заподозрила, то Ренатки моей рук дело. Сама же учила яды составлять. Но сестре ничего не сказала, а пошла к страже. Там мне и рассказали, что сбежала дочка моя из под носа их, да только недалеко. Убили Ренатку.

– Я думала, вы как-то узнали, что в храме убили, - растерялась я.

– В храме и убили. Да и отволокли подальше, - отмахнулась Ведана. – Ты думаешь, раз деревня глухая, то и не знает никто ничего? Кто смышленей, давно понял, что культ тот – место страшное и опасное. А толку? Некоторые до сих пор дочерей своих отдают, да племянниц.

– Это какой-то ужас, - сглотнув вязкую слюну, прошептала я. – И никто ничего не делает.

– Ты как с неба свалилась! - рассмеялась травница. – А что, по другому у тебя было? Ты-то как в послушницы попала?

– Согласна, - кивнув, спрятала взгляд. – Мачеха отдала.

– Ну вот, а говоришь - ужас, - фыркнула травница, отворачиваясь. – Идём уже. Заболтала меня. Воду натаскать надо. Баньку-то уже и не затопишь сегодня, поздно. Так что в тазу вымоешься, как сможешь. А завтра... Зря не дала руку зашить. Испугалась боли?

– Не испугалась, просто, - я замялась, не зная, говорить или нет. – Просто видела как-то, что бывает, если шить неправильно.

– Видела! А может ты и в травах разбираешься, а?

– Не разбираюсь, бабушка, - скромно опустив голову, пролепетала, принимая игра, как только мы вышли на улицу.

– Ничего, бабушка научит, - хмыкнула Ведана. – А что плохо может быть, так то уже на усмотрение Единого. Написал он тебе на роду жить до самой старости - будешь жить. Ан нет, так и не выживешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.